

RU

Автономия личности как фактор снижения регуляторной способности права: кризис институтов в условиях политико-правового либерализма

Азиев Я. Т.

Аннотация. Цель статьи – выявить социальные и ценностно-мировоззренческие основания снижения регуляторной способности современного российского права в условиях кризиса общественных институтов. В статье право рассматривается как социальный регулятор и анализируются пределы его воздействия на поведение индивидов в условиях изменения представлений о человеке, свободе и обществе. Особое внимание уделяется роли государства в трансформации статуса личности на разных этапах развития российского права. Научная новизна исследования состоит в определении автономии личности не только как достижения современного правопорядка, но и как фактора, способного ограничивать результативность правового регулирования, направленного на решение коллективно значимых социальных проблем. В результате исследования показано, что снижение регуляторной способности права связано с усилением индивидуалистических установок и, как следствие, затруднением правового воздействия на поведение в областях, сопряжённых с коллективными проблемами. Одним из возможных вариантов решения данной проблемы выступает переосмысление автономии личности в реляционной перспективе, позволяющей совместить защиту индивидуальной свободы с социальной включённостью субъекта.

EN

Personal autonomy as a factor in the decline of the regulatory capacity of law: the crisis of institutions under political-legal liberalism

Y. T. Aziev

Abstract. The article aims to identify the social, value-based, and worldview foundations of the decline in the regulatory capacity of contemporary Russian law amidst the crisis of social institutions. The paper views law as a social regulator and analyzes the limits of its impact on individual behavior under changing perceptions of the human being, freedom, and society. Special attention is paid to the role of the state in transforming the status of the individual at various stages of the development of Russian law. The scientific novelty of the study lies in defining personal autonomy not only as an achievement of the modern legal order, but also as a factor capable of limiting the efficacy of legal regulation aimed at solving collectively significant social problems. The research demonstrates that the decline in the regulatory capacity of law is linked to the strengthening of individualistic attitudes and, consequently, the hampering of legal influence on behavior in spheres associated with collective problems. One of the possible solutions to this problem is to rethink personal autonomy from a relational perspective, which allows for combining the protection of individual freedom with the social embeddedness of the subject.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена снижением регуляторной способности права в части воздействия на ключевые сферы общественной жизни (образование, трудовая деятельность, институт семьи и брака). Под регуляторной способностью права в настоящей статье понимается не только формальная возможность государства устанавливать общеобязательные нормы и санкции за нарушение этих норм, но и способность правовых норм становиться внутренне признанными ориентирами поведения, в особенности в тех сферах, где требуется согласование индивидуальных действий с коллективными целями. Необходимость воздействия на данные общественные институты связана с их кризисом – снижением способности поддерживать и передавать коллективные нормы, ценности и образцы поведения.

Кризис общественных институтов в первую очередь наблюдается в развитых странах и имеет свои статистические индикаторы. Так, материалы Организации экономического сотрудничества и развития (OECD, 2024a; 2024b) указывают на устойчивую трансформацию семьи, брака, детского проживания, трудовых отношений и доверия к государству: сокращение числа браков и рост числа разводов свидетельствуют о снижении нормативной устойчивости брака как формы организации семейной жизни; увеличение доли рождений вне брака и изменение структуры проживания детей указывают на трансформацию связи между браком, родительством и семейной социализацией; снижение охвата коллективными соглашениями отражает ослабление коллективных форм регулирования труда; а низкий уровень доверия к национальному правительству фиксирует проблему политико-институциональной легитимности. Во всех этих случаях речь идет не о полном исчезновении соответствующих институтов, а о снижении их способности задавать устойчивые ориентиры поведения, обеспечивать включённость индивидов в коллективно значимые формы социальной жизни и тем самым поддерживать восприимчивость к правовому регулированию. Сходные процессы прослеживаются и в российском обществе, в особенности это касается брачных отношений и демографии (Семья и дети в России, 2024, с. 34-37).

Проблемой данного исследования выступает неполнота экономической интерпретации ограниченной результативности правового воздействия на общественные институты. Изменение некоторых показателей требует решения экономических проблем (Семья и дети в России, 2024, с. 16), однако наличие вышеуказанных показателей в странах с развитой экономикой говорит о неполноте чисто экономической интерпретации природы кризиса общественных институтов. Соответственно, затруднительно объяснять исключительно экономическими причинами ограниченную результативность мер правового воздействия (например, семейно-правовых реформ, налоговых льгот, установления специальных трудовых гарантий для работников с детьми). Снижение регуляторной способности права требует анализа не только социально-экономических условий, но и тех представлений о человеке, свободе, обществе и должном поведении, которые лежат в основании современного правопорядка.

Данное исследование проводится на примере российской социально-правовой действительности, и для учёта её особенностей вводится понятие политико-правового либерализма, рассматриваемого как модель правового порядка, в которой приоритетное значение придается индивидуальным правам, свободам и ограничениям государственного вмешательства. В этом контексте также используются понятия автономии личности и атомизма: под автономией личности понимается способность индивида самостоятельно определять собственные цели, ценности и жизненные стратегии; под атомизмом понимается такая модель социальной связи, при которой индивид мыслится преимущественно как самостоятельная и первичная относительно коллективов единица, а общество и общественные институты воспринимаются главным образом через призму их значения для индивидуальных прав и интересов. Использование данных понятий, в особенности понятия автономии личности, позволяет выявить социально-философский уровень проблемы снижения регуляторной способности права: изменение образа субъекта, структуры его мотивации и степени восприимчивости к правовым нормам, ориентированным на согласование индивидуального поведения с коллективно значимыми целями. Для отечественной действительности данная проблема имеет особое значение. Российский правопорядок прошёл через существенную трансформацию образа субъекта права: от модели, в которой индивидуальные права и свободы рассматривались в связи с интересами общества и государства, к постсоветской конституционной модели, закрепившей человека, его права и свободы в качестве высшей ценности. Эта трансформация не сводится к изменению юридических формул, поскольку затрагивает более глубокий социально-философский уровень – представления о человеке, свободе, обществе и допустимых пределах воздействия на поведение индивида.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- 1) проанализировать право как социальный регулятор и выявить пределы его воздействия на поведение индивидов;
- 2) рассмотреть трансформацию образа субъекта в российском правопорядке в советский и постсоветский периоды;
- 3) охарактеризовать автономию личности и атомизм как социально-философские категории, позволяющие исследовать изменение мотивации субъекта права;
- 4) показать пределы правового воздействия на примере социальных проблем, не сводимых к индивидуальной выгоде;
- 5) обозначить возможные направления переосмысления автономии личности, позволяющие совместить защиту индивидуальной свободы с вовлечённостью субъекта в решение социальных проблем.

Методология исследования включает общенаучные методы анализа, синтеза и обобщения, историко-правовой подход, а также категориально-концептуальный и нормативно-критический анализ. Историко-правовой подход используется для рассмотрения трансформации образа субъекта права в советский и постсоветский периоды, а также для выявления изменений в понимании соотношения личности, общества и государства. Категориально-концептуальный анализ позволяет уточнить содержание понятий «автономия личности», «политико-правовой либерализм» и «регуляторная способность права». Нормативно-критический анализ направлен на выявление внутренних ограничений либерально-атомистической модели субъекта, позволяет рассмотреть право в более широком общественном контексте и определить, как представления о человеке, обществе и свободе влияют на восприятие правовых норм и готовность следовать им.

Основными материалами для исследования послужили работы в области теории права, раскрывающие право как социальный регулятор и анализирующие природу правоотношения (Исаков, 2020; Сергеев, 2020);

работы, необходимые для описания специфики отечественного права в советский и современный периоды истории (Баглай, 2007; Ленин, 2016).

Теоретическую базу настоящей статьи составляют исследования, рассматривающие историю возникновения и роль идеи автономии личности в западной философии (Schneewind, 1998; Sensen, 2013; Swaine, 2016); работы, содержащие либеральные модели соотношения индивида, общества и государства (Nozick, 1974; Rawls, 2005; Raz, 1986; Scanlon, 1998); а также исследования, посвященные критике атомистического понимания личности и альтернативным моделям автономии, в которых подчеркивается значение социальных условий её реализации (Morrice, 2000; Nedelsky, 2011; Nussbaum, 2003; Taylor, 1985).

Практическая значимость статьи состоит в том, что её выводы могут быть использованы при оценке эффективности правового регулирования в сферах, связанных с решением коллективных социальных проблем. Рассмотрение социокультурных факторов, ограничивающих воздействие права на общественные институты, позволяет точнее учитывать причины сопротивления правовым нормам или низкий уровень их реализации гражданами и вырабатывать более действенные механизмы правового воздействия.

Обсуждение и результаты

В правовой науке существуют два взгляда на правоотношение: «...вполне возможно рассматривать правоотношение и как облеченное в правовую форму реальное общественное отношение, и как особую правовую модель, на которую должны ориентироваться участники общественных отношений» (Сергеев, 2020, с. 79). Первая точка зрения является наиболее расхожей; вторая точка зрения примечательна тем, что она прямо предполагает актуальность самого правоотношения (как модели) и одновременно восприимчивость реальных отношений к воздействию правовыми нормами. Даже если правоотношение мыслится как срез реальных отношений, значимость вышеуказанных условий осмысленности правовых норм сохраняется.

Актуальность правовых норм понимается по-разному, и чаще всего при попытке решить общественные проблемы государство считает соответствующие проблемам правовые нормы актуальными не из-за существования проблем, а в случае, если эти проблемы становятся и проблемами государства (или, по крайней мере, полагаются таковыми): «Характерно, что в американской коммуникативистике существует и противоположная точка зрения, согласно которой конструирование социальных проблем осуществляется прежде всего государством и не имеет ничего общего с деятельностью общественности и медиа-сообщества» (Дьякова, 2005, с. 193-194).

Решающая роль государственного интереса прослеживается на обратных примерах – когда общественные отношения сами по себе проблемой не являются, но государство имеет интерес по их изменению. Подобным примером в отечественной истории выступает изменение коллективной идентификации в начале XX века: национально-культурные формы принадлежности сами по себе не обязательно рассматривались как социальная проблема, однако в рамках новой государственной политики они были интерпретированы как препятствие для формирования классовой солидарности. В рамках формационного подхода национально-культурные формы коллективной идентификации были отодвинуты на второй план, и ключевое значение приобрело классовое деление общества: «...проповедь “культурно-национальной автономии”, несмотря на благие пожелания отдельных лиц и групп, разделяет нации и сближает на деле рабочих одной нации с ее буржуазией» (Ленин, 2016, с. 171); считалось, что государство и общество совместными усилиями должны отстоять интерес именно угнетённого класса – рабочих (в определённый период – крестьян и рабочих). Данный пример важен не только в историко-правовом, но и в социально-философском отношении. Государство способно не только регулировать уже сложившиеся общественные отношения, но и задавать рамку, в которой определяются значимые формы коллективной принадлежности, участвуя в конструировании того, через какие категории индивид должен понимать себя как социального субъекта: через национально-культурную, классовую, гражданскую или иную форму идентичности.

В то же время в качестве альтернативной модели соотношения индивида, общества и государства выступала либеральная социально-философская традиция, в которой базовым элементом общества считался автономный индивид, а коллективные сущности в любом виде (в том числе национально-культурные сущности) полагались как вторичные (производные от индивидов) или несущественные: «В преобладающей англо-американской версии люди рассматриваются как по сути отдельные друг от друга. Отношения, конечно, существуют, но они не рассматриваются как определяющие» (Nedelsky, 2011, р. 3).

После распада СССР государство институционально закрепило либерально-правовую модель субъекта, и, хотя ст. 13 Конституции РФ признает «идеологическое многообразие» и содержит положение о том, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной», фактически с 1990-х годов усилиями своих правовых институтов государство положило начало политико-правовому либерализму, внедряя модели правового индивидуализма, сложившиеся в либеральной политико-правовой традиции (Конституция РФ, 1993). Примат коллективного над частным и отсутствие некоторого перечня индивидуальных свобод после смены политической конъюнктуры были признаны недостатком советской политической и правовой действительности: «Социалистический эксперимент ясно продемонстрировал, что экономика и культура без свободы в конечном счете приводят к застою и деградации, убивают энергию и инициативу человека, останавливают социальный прогресс» (Баглай, 2007, с. 179). Ст. 39 Конституции СССР 1977 года является иллюстрацией прежнего статуса индивида: «Использование гражданами прав и свобод не должно наносить ущерб интересам общества и государства» (Конституция СССР, 1977). То есть у индивида не просто было «меньше» прав, чем ныне считается необходимым, – даже признанный перечень прав уступал государственным интересам.

Это резко контрастирует со ст. 2 Конституции РФ, в которой «человек, его права и свободы являются **высшей ценностью**», а «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (Конституция РФ, 1993). Различие между советской и постсоветской моделями заключается не только в объеме юридически закрепленных прав. Оно выражает изменение самого образа субъекта права. В советской модели индивид мыслится как включенный в общественный и государственный порядок, а его права получают значение в связи с коллективными целями. В постсоветской конституционной модели, напротив, субъект предстает прежде всего как автономный носитель прав и свобод, по отношению к которому государство несет обязанность признания, соблюдения и защиты. Тем самым меняется не только структура правового регулирования, но и представление о должном соотношении личности, общества и государства.

Индивидуальные права в том виде, в каком они представляются в либеральной политико-правовой традиции – как более приоритетные, чем коллективные интересы, – считаются атрибутами социально-философского и политико-правового прогресса, а вместе с тем эти права ассоциированы с экономическим развитием. Достижение некоторых политических и гражданских свобод может считаться столь самоценным, что они сами могут выступать инструментом для придания значимости иным свободам. Так, Ф. Хайек, критикуя социалистические идеи ограничения экономической свободы, говорил об экономической свободе как о необходимой предпосылке «любой другой свободы», включая те, которые считали ценными социалисты: «Часто говорят, что политическая свобода невозможна без свободы экономической. Это правда, но не в том смысле, который вкладывают в эту фразу сторонники планирования. Экономическая свобода, являющаяся необходимой предпосылкой любой другой свободы, в то же время не может быть свободой от любых экономических забот. А именно это обещают нам социалисты, часто забывая добавить, что они заодно освободят нас от свободы выбора вообще» (2005, с. 113).

В отечественной гуманитарной науке институт прав и свобод, закреплённый в новой конституции, был представлен как более «естественный» и одновременно полезный: «Философской основой этого института (института прав и свобод. – Я. А.) является учение о свободе как о естественном состоянии человека и высшей ценности после самой жизни»; «...в тех странах, где общественное устройство утвердилось на принципе свободы (гражданское общество), были достигнуты большие успехи в развитии экономики, культуры, науки и техники, социальной защиты населения» (Баглай, 2007, с. 178). Позитивное законодательство не просто определило базовые права и свободы на уровне конституционного права, в первую очередь оно объявило их **«высшей ценностью»** (ст. 2 Конституции РФ), сделав их основой для всей системы права и определив реформы в других отраслях права: «В ст. 18, например, провозглашается, что права и свободы человека и гражданина «определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием». Отсюда следует, что все ветви власти, все звенья государственного механизма служат главной цели: обеспечению прав и свобод человека и гражданина» (Баглай, 2007, с. 119). Поэтому утверждение института прав и свобод одновременно означает, что социальный порядок должен быть организован таким образом, чтобы прежде всего обеспечивать пространство индивидуального самоопределения.

Отличие новшеств от старых концепций можно увидеть на примере концепции частной собственности – являющаяся в современном правопорядке одним из базовых институтов, в советской доктрине она отсутствовала в современном смысле. После принятия Конституции СССР 1936 года советское право имело свой, социалистический аналог – концепцию личной собственности, которая могла возникнуть только от эксплуатации социалистической собственности: «Единственным источником образования личной собственности граждан может быть только расширенное социалистическое воспроизводство и извлекаемый из него социалистический общественный доход» (Июффе, 1949, с. 127). Идея конструировать по возможности свои, альтернативные «буржуазным» правовые конструкции, существует ещё с начала существования советского государства: «Не перенимать... старое, буржуазное понятие о гражданском праве, а создавать новое»; «...мы ничего “частного” не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное»; «...применять не *corpus juris romani* к “гражданским правоотношениям”, а наше революционное правосознание» (Ленин, 1975, с. 398). Попытки изобретать отличные от «буржуазных» правовые конструкции повлекли не только различия юридических конструкций, но и социально-философское отличие советской модели субъекта права – включённого в коллективный порядок, а не автономного по отношению к нему.

После отказа от советской идеологии новым либерально-правовым концепциям нужно было объяснение, которое создало бы предпосылки развития устойчивой правовой культуры среди субъектов регулируемых новыми нормами отношений и воздействовало бы так, чтобы индивиды не просто знали о своих правах, но и считались с реализацией этих прав другими субъектами правоотношений. В первую очередь это влияет на работу абсолютных правоотношений (например, на отношения собственности), поскольку они отличаются тем, что в них индивидуально определено только управомоченное лицо – обязанные же лица образуют широкий круг лиц, с которыми не заключаются прямые договорённости, но предполагается, что они не препятствуют управомоченному лицу в осуществлении своих прав (Исаков, 2020, с. 308).

Иными словами, право собственности эффективно действует лишь тогда, когда другие индивиды воспринимают чужую правовую автономию как социально значимую и внутренне обязательную границу собственного поведения. Тем самым право нуждается не только в санкции, но и в определённом образе субъекта, способного признавать автономию другого. В этих условиях особое значение приобрело социально-философское обоснование института прав и свобод, связанное с либеральной политико-правовой традицией; соответствующие представления о личности, свободе и праве постепенно получили отражение не только в отечественном гуманитарном дискурсе, но и в системе школьного и высшего образования.

Система образования в этом контексте выступала одним из институтов формирования новой модели субъекта права. Она не только передавала знания о действующем праве, но и участвовала в закреплении представлений о том, что собой представляют индивиды в социально- и политико-философском смысле, чтобы их внутреннее отношение к текущему праву сочеталось с ожиданиями государства от поведения граждан. Вступившая в силу в 2002 году Концепция модернизации российского образования до 2010 года поставила роль образования в зависимости от задач перехода России к «демократическому и правовому государству, к рыночной экономике» и в качестве первого из социальных требований к системе образования выдвинула следующее: «Школа – в широком смысле этого слова – должна стать важнейшим фактором гуманизации общественно-экономических отношений, формирования новых жизненных установок личности» (О Концепции модернизации..., 2002). Государство тем самым поощрило все формы социально-философского обоснования института прав и свобод, и для того, чтобы понять, какие изменения в мировоззрение рядовых граждан внесли эти меры, необходимо рассмотреть социально-философскую природу индивида, модель которого представлена в новой политико-правовой реальности.

Роль социально-философского основания индивидуальных прав в их современном виде играет западная концепция *автономии личности*: «...ценности, из которых выводятся права человека – прежде всего автономия и свобода, – сами по себе являются специфически западными ценностями» (Griffin, 2008, p. 133); «В западной либеральной демократии прежде всего свобода определяет содержание прав человека; основными, самыми важными и фундаментальными правами остаются так называемые “негативные” права, то есть права, защищающие сферу автономии личности от постороннего вмешательства, в том числе со стороны государства» (Белов, 2021, с. 219). Исторически становление либеральной политико-философской традиции связывают с автономизацией личности в моральной философии: «Ранняя новоевропейская моральная философия, в рамках которой формируется представление о морали как самоуправлении, внесла решающий вклад в становление западного либерального видения надлежащих отношений между индивидом и обществом. Эта форма социальной жизни не могла бы возникнуть без работы моральных философов» (Schneewind, 1998, p. 4). Изначально понятие автономии использовалось скорее как свойство государства (Swaine, 2016, p. 217); первый из известных случаев переноса этого свойства на человека был в моральной философии И. Канта: «Понятие моральной автономии является одним из центральных наследий Канта для современной моральной философии» (Sensen, 2013, p. 1).

В либеральной моральной философии автономия, выходя за пределы идеи свободы от внешнего принуждения, постепенно превращается в принцип индивидуального нормативного самоопределения: личность начинает рассматриваться не только как адресат моральных требований, но и как источник их конструирования. Так, Дж. Ролз определяет одну из «моральных способностей» личности как способность «формировать, пересматривать и рационально следовать» своей концепции блага (Rawls, 2005, p. 19). При этом обоснование принципов справедливости переносится из плоскости исторически сложившихся форм коллективной жизни в плоскость гипотетической процедуры рационального выбора. В мысленном эксперименте с «заветной неведомой» индивид абстрагируется от собственной природной и социальной идентичности, выступая как рациональный субъект нормативного соглашения (Morrice, 2000, p. 235).

Иная версия этого соглашения содержится, например, в контрактуализме Т. Скэнлона, согласно которому поступки морально допустимы постольку, поскольку они не могут быть разумно отвергнуты (Scanlon, 1998, p. 4). Примечательно, что при переносе этой формулы из нормативной теории в описание современной социальной-политической действительности она фактически описывает либеральный механизм государственного невмешательства в сферу морали. В отличие от юридического правотворчества, где государство обладает институциональным преимуществом формального установления и принудительного обеспечения норм, в моральной сфере оно не имеет аналогичной компетенции окончательно определять, какие ценности должны считаться общеобязательными. В правовой плоскости государство способно лишь закреплять необходимые для совместной жизни минимальные правила. Для гражданина это означает, что моральные нормы, разделяемые другими людьми или группами, не обладают для него обязательной силой до тех пор, пока они не выражены в законе; соответственно, его отказ следовать таким нормам должен признаваться допустимым независимо от того, насколько широко эти нормы распространены в обществе.

Индивид является автономным не только в моральном аспекте. Важный атрибут автономной личности – его первичность как объекта социальной действительности относительно других сущностей. Ч. Тейлор, описывая политические теории, предполагающие такое свойство, использовал термин «атомизм», потому что в их основе лежала идея о разложимости общества на «атомы» (в роли которых выступают индивиды), независимые друг от друга и самостоятельные: «Этот термин также применяется к современным теориям, которые восходят к теории общественного договора или стремятся в каком-то смысле отстаивать приоритет индивида и его прав над обществом либо представляют общество как чисто инструментальное образование» (Taylor, 1985, p. 187). В атомистической традиции первичность индивида не обязательно предполагает политическую философию, требующую исключительно отсутствие тоталитарных ограничений; если индивид признается первичным объектом социальной и политической действительности, то может ставиться вопрос не только о защите его от вмешательства, но и об условиях, при которых он способен реально осуществлять свою автономию: «Следовательно, нам нужно принять политическую концепцию личности, которая является скорее аристотелевской, чем кантовской: такую, которая с самого начала видит личность одновременно как способную и как нуждающуюся – “нуждающуюся в богатом множестве жизненных деятельностей”, если использовать выражение Маркса, чья доступность будет мерой благополучия» (Nussbaum, 2003, p. 54).

У концепции автономии личности есть разные степени социальных и политических требований. Человек, желающий изучить социально-философские основания института прав и свобод, может столкнуться с разными вариантами концепции автономии личности, но даже в самом минимальном варианте индивиду будет присвоена способность конфигурировать свои представления о должном и о благе, а также его самостоятельность: «Идеал личной автономии – это видение того, что люди в той или иной степени контролируют свою судьбу, формируя её через последовательные решения на протяжении всей жизни» (Raz, 1986, p. 369).

Для анализа того, как индивид с подобным социально-философским самоощущением реагирует на правовые способы повлиять на его поведение, значение имеет вопрос о том, в чьих интересах совершается попытка правового воздействия и разделяются ли индивидом соответствующие интересы. Актуальные проблемы, с упоминания которых началась данная работа, по своей природе являются коллективными. Для того, чтобы актуализировать их в атомизированном обществе, в идеале они должны быть редуцируемы к индивидуальным проблемам, поскольку коллектив и его самостоятельные проблемы в лучшем случае вторичны, в худшем – не существуют: «Нет никакого общественного субъекта, обладающего благом, которым он мог бы пожертвовать ради (какого-то другого. – Я. А.) собственного блага. Есть только отдельные люди, разные люди, у каждого из которых собственная жизнь» (Нозик, 2008, с. 56-57).

Актуальность проблемы депопуляции, например, государство может обосновать тем, что она влечет снижение доходов бюджета, постепенную утрату возможности обслуживать текущую инфраструктуру и материально обеспечивать социальные обязательства перед гражданами, установленные государством в рамках политики социального государства (выплата пособий, пенсионное обеспечение и пр.). Но проблеме государства нельзя считать проблемой отдельно взятых индивидов, особенно если это результат волевых решений, которые при этом не наносят вред другим индивидам, не посягают на их права: «Новая российская государственность радикально меняет отношения личности и государства. Не человек создан для государства, а государство для человека – таков теперь главный принцип их отношений» (Баглай, 2007, с. 118).

Брак и демография выступают не просто отдельными сферами правового регулирования, а примерами социальных проблем, в которых особенно заметно расхождение между индивидуальной мотивацией и коллективной значимостью поведения. Вступление в брак, рождение и воспитание детей, а также соблюдение норм гражданской солидарности или доверие к государственным институтам имеют значение не только для самого индивида, но и для воспроизводства общественных связей, устойчивости социальных институтов и достижения коллективно значимых целей. Однако в условиях атомистического понимания субъекта такие цели теряют характер самоочевидных и внутренне обязательных. Автономный индивид может не отрицать ценности семьи, труда или доверия как таковых, но при этом не считать их обязательными ориентирами собственной жизненной стратегии.

В этом проявляется один из пределов правового воздействия. Государство может использовать правовые способы влияния на индивидуальное поведение – устанавливать гарантии, льготы, запреты, обязанности и стимулы, – однако адресат нормы способен не вступать в те отношения, которые становятся объектом правового регулирования. Так, семейно-правовые реформы имеют ограниченное значение в ситуации, когда индивиды не вступают в брак и тем самым не образуют отношения, регулируемые семейным правом. Аналогичным образом поощрительные нормы, направленные на поддержку многодетности, оказываются более действенными для тех, кто и без соответствующей поддержки ориентирован на создание большой семьи, тогда как для субъектов, не воспринимающих семью как самостоятельную ценность, такие меры сопоставляются с предполагаемыми личными издержками.

Следовательно, снижение регуляторной способности права проявляется прежде всего в тех сферах, где государство стремится не просто запретить вредное поведение или защитить индивидуальные права, а сформировать устойчивую мотивацию к участию в коллективно значимых формах социальной жизни. В атомистическом понимании автономии личности индивид получает не только возможность дистанцироваться от решения подобных проблем, но и нормативное основание не признавать их в качестве проблем как таковых. Тем самым автономия личности, оставаясь ценностью современного правопорядка, одновременно выступает социально-философским условием, ограничивающим регуляторную способность права в сферах, связанных с коллективными целями.

Это делает необходимым пересмотр атомистических социально-философских оснований современного правопорядка. Для социально-философского обоснования значимости коллективной идентификации и коллективных проблем перспективной представляется концепция реляционной автономии личности. Она выступает альтернативой атомистическому пониманию субъекта, поскольку рассматривает автономию не как изолированное самоопределение индивида, а как способность, формирующуюся в отношениях с другими людьми наряду с ценностями, которые люди считают определяющими для своего самосознания: «Автономия возникает – или нарушается – через отношения с родителями, учителями и работодателями» (Nedelsky, 2011, p. 3). Поэтому преодоление атомизации предполагает, как вариант, не только отказ от автономии личности, но и более компромиссный вариант – её переосмысление: индивидуальная свобода может пониматься не вне общества, а через условия социальной включённости. Право в такой концепции играет роль одного из «механизмов – как риторических, так и институциональных – формирования отношений, которые способствуют развитию таких ценностей, как автономия, либо, напротив, подрывают их» (Nedelsky, 2011, p. 3).

Закключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Снижение регуляторной способности права в условиях политико-правового либерализма связано не только с недостатками юридической техники, слабостью принуждения или экономическими проблемами. Оно имеет более глубокое социально-философское основание: право обращается к субъекту, который заранее понимает себя как самостоятельного носителя интересов и не склонен признавать обязательность требований, исходящих от коллективного целого, если они не могут быть оправданы в терминах его собственной автономии. Поэтому современное право оказывается эффективным прежде всего там, где оно защищает индивидуальные притязания, и значительно менее эффективно там, где оно пытается сформировать поведение, ориентированное на решение коллективных проблем, не редуцируемых к индивидуальным.

Нельзя утверждать, что именно государство, причём исключительно средствами права, самостоятельно сформировало атомизированное общество. Воздействие на общественное сознание происходило и вне его прямого участия. Однако в данном случае государственная безучастность, выраженная в отказе от единой государственной идеологии, фактически стала особой формой соучастия. По своему значению она оказалась сопоставима как с отдельными правовыми реформами, так и с их интерпретацией в системе гуманитарного образования. Индивидуалистические ценности и идеал автономной личности, получившие распространение в обществе, были привнесены не только государством. Его роль состояла скорее в том, что проведённые реформы задали первоначальный импульс процессу общественной атомизации, а последующее невмешательство в сферу дополнительного, не согласованного с ним и неконтролируемого влияния идей автономии личности усилило этот процесс.

При этом такая позиция государства имела объективные и во многом обоснованные причины, связанные с представлением о том, что индивидуалистические принципы являются условием общественного и экономического прогресса. Учёт этих причин принципиально важен: без их понимания пересмотр системы прав и концепции личности рискует быть недостаточно обстоятельным и не позволит ясно отличить необходимую защиту автономии от форм индивидуализма, которые ослабляют социальную связанность.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать пересмотр современной концепции автономной личности. Необходимо переосмысление образа субъекта современного права, которое позволит сохранить образ индивида как носителя частных интересов и обосновать его вовлечённость в решение коллективных проблем. Подобный пересмотр создаст предпосылки для выработки эффективных механизмов правового воздействия на автономную личность – не через прямой патернализм или принудительное навязывание коллективных целей, а посредством таких способов регулирования, которые совместимы с автономией индивида, включая косвенные стимулы и перевод коллективных проблем на язык индивидуально значимых интересов и рисков. Для социально-философского обоснования значимости коллективной идентификации и коллективных проблем перспективной представляется реляционная форма автономии, которая, придавая личности элементы самостоятельности, рассматривает связь личности с другими людьми и институтами как условие формирования автономии и её реализации.

Также стоит учесть, что современная концепция автономии обосновывалась не только экономической или иной наблюдаемой целесообразностью, но и «эстетическими» аргументами: «Безусловно, коллективизм необходим для достижения определённых целей, но, понимаемый с чрезмерным универсализмом, он в состоянии подавить инициативу и способности отдельного человека, привести к *царству серости и посредственности*. А индивидуализм, напротив, раскрывает потенциал общества, и задача права – содействовать проявлению *энергии* каждого человека» (Баглай, 2007, с. 118). Иными словами, переосмысление личностной автономии и последующее «включение» индивида в коллективные проблемы аналогичным образом требуют «эстетического» сопровождения, работы с образами – по крайней мере, чтобы идея коллективной вовлечённости индивида не ассоциировалась с негативными образами, традиционно возникающими вокруг коллективистских идей.

Материалы исследования | Research materials

1. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учеб. для вузов. Изд-е 6-е, изм. и доп. М.: Норма, 2007.
2. Исаков В. Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов и факультетов. М.: Норма; ИНФРА-М, 2020.
3. Конституция СССР – Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: принята внеочередной седьмой сессией Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/
4. Конституция РФ – Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). <https://constitution.garant.ru/>
5. Ленин В. И. 100 и 1 цитата / сост. И. П. Никитина. М.: Проспект, 2016.
6. О Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года: утверждена Приказом Минобрнауки Российской Федерации от 11 февраля 2002 г. № 39. <https://docs.cntd.ru/document/901816019>

7. Семья и дети в России. Специальный доклад Общественной палаты Российской Федерации // Статистический сборник Росстата / ОПРФ. Росстат. М.: ОПРФ, 2024.
8. Сергеев А. П. Гражданское право: учебник: в 3 т. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М.: Проспект, 2020. Т. 1.
9. OECD. Society at a Glance 2024: OECD Social Indicators. P.: OECD Publishing, 2024a. <https://doi.org/10.1787/918d8db3-en>
10. OECD. Survey on Drivers of Trust in Public Institutions – 2024 Results: Building Trust in a Complex Policy Environment. Paris: OECD Publishing, 2024b. <https://doi.org/10.1787/9a20554b-en>

Источники | References

1. Белов С. Постсоветское восприятие прав человека в России // Ideology and Politics Journal. 2021. № 2 (18). <https://doi.org/10.36169/2227-6068.2021.02.00009>
2. Дьякова Е. Г. Конструирование и легитимация социальных проблем // Антиномии. 2005. № 6.
3. Иоффе О. С. Правоотношение по советскому гражданскому праву / Институт экономики, философии и права, Ленинградский университет им. А. А. Жданова. Л.: Ленинградский университет, 1949.
4. Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. М., 1975. Т. 44.
5. Нозик Р. Анархия, государство и утопия / пер. с англ. Б. Пинскера под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева. М.: ИРИСЭН, 2008.
6. Хайек Ф. А. фон. Дорога к рабству / пер. с англ. М.: Новое издательство, 2005.
7. Griffin J. On Human Rights. Oxford University Press, 2008.
8. Morrice D. The liberal-communitarian debate in contemporary political philosophy and its significance for international relations // Review of International Studies. 2000. Vol. 26 (2).
9. Nedelsky J. Law's Relations: A Relational Theory of Self, Autonomy, and Law. Oxford University Press, 2011.
10. Nozick R. Anarchy, State, and Utopia. N. Y.: Basic Books, 1974.
11. Nussbaum M. C. Capabilities as Fundamental Entitlements: Sen and Social Justice // Feminist Economics. 2003. Vol. 9 (2-3).
12. Rawls J. Political Liberalism. Columbia University Press, 2005.
13. Raz J. The Morality of Freedom. Oxford: Clarendon Press, 1986.
14. Scanlon T. M. What We Owe to Each Other. The Belknap Press of Harvard University Press, 1998.
15. Schneewind J. B. The Invention of Autonomy: A History of Modern Moral Philosophy. Cambridge University Press, 1998.
16. Sensen O. Kant on Moral Autonomy. Cambridge University Press, 2013.
17. Swaine L. The origins of autonomy // History of Political Thought. 2016. Vol. 37. No. 2.
18. Taylor C. Atomism // Taylor C. Philosophical Papers: in 2 vols. N. Y.: Cambridge University Press, 1985. Vol. 2. Philosophy and the Human Sciences.

Информация об авторах | Author information

Азиев Яраги Турпалович¹

¹ Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

Yaragi Turpalovich Aziev¹

¹ Saratov State University

¹ azievyt@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 20.05.2026; опубликовано online (published online): 06.07.2026.

Ключевые слова (keywords): автономия личности; регуляторная способность права; политико-правовой либерализм; общественные институты; атомизм; personal autonomy; regulatory capacity of law; political-legal liberalism; social institutions; atomism.